

ДРУГИЕ ОБЛАКА

Кружила бабочка */исчезла/*,
река в апрель перетекла;
а я курил помятый «Честер»,
смотрел другие облака.
«Ни древний Родос, ни Гавана, –
твердил себе. *– Ни Лимасол.*

Я вопреки – любил упрямо».
И пел БГ с альбома «Соль».
<...> но облака смещали тучи,
потом черемуха цвела.
Рюкзак и плеер многим лучше
сбивали перечень утрат.

Не говори, обычный метод;
другие песни прогони.
Проснись и я лиловым летом,
где во свету лежим одни.
Обоим, верно, под двадцатник
/блестит заколка у окна,

молчит будильник у кровати/.
<...> идут другие облака
и чайки – разрезают утро.
<...> полукрытое окно.
И целый мир ежеминутно
опять сдвигается в одно.



Играет ножичком на Лыковой;
сидит с иголочки клифтец.
Закат толчеными гвоздиками
смещает облачный свинец.

Он точно был в «КОГИЗе» Рябова,
сюиту жизнью я читал:
хранил в руках живое яблоко,
переходя ночной квартал.

Но на страницах ранней «Юности»
не довелось быть рядом с ним.
Не по знакомству, не по глупости –
смотри – на Лыковой стоим:

Денис, Владимир и товарищи
/и не спросить: «Чего-чего?»/;
а рядом – под звездой мигающей –
задумчив Игорь Чурдалев.

Спешит один на Караваиху,
другой – умчал в Автозавод.
Взят «Кенигсберг» и левый Heineken.
Вся жизнь пошла наоборот.

ЛИМОНОВ

В индийском воздухе не растворился:
оплыл Москвы бесснежный март
на оболочке влажного ириса.
Качнулась времени корма:
Ист-Сайд, Вест-Сайд, пустой парк Иоанна
и Сены – мутная вода –
стремит к Ла-Маншу два тюльпана.
Он прожил эти города,
он был герой в плаще. И сочинитель.
Потом – бушлат и Вуковар,
опять Париж, Москва. Наезды в Питер
в пивных обтерли рукава.
Через кострища флагов возвращался,
режимный Энгельс вспоминал.
Другим – Венеция и Талса –
а у него – иной финал.
Не за одну звезду в покатом небе
жизнь обернулась колесом:
в его глазах свободы соль. И пепел.
И троекуровский песок.